
В. М. ГЕЕЦ,
академик НАН Украины, академик РАН,
вице-президент НАН Украины,
директор ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”

О ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ *

Общество как особая форма жизнедеятельности людей, благодаря которой сохраняется и развивается человеческая идентичность, сформировало в процессе своего развития, с целью его же обеспечения, государственное и экономическое устройство. Каждое из них, в свою очередь, претендует на определенную завершенность, целостность, жизнестойкость и самое главное – способность влиять на положение дел в обществе, за исключением случаев их несостоятельности, известных как провалы рынка и провалы государства. Как результат, в триумvirате общество – государство – экономика наблюдается постоянное смещение акцентов – с единства на противоречия, и наоборот.

В докладе сделана попытка на основе обзора разных трактовок обобщить существующие противоречия в соотношении функционирования общества – государства – экономики. В конечном итоге, это позволяет на разных ступенях развития элементов этой системы увидеть направления их взаимодействия с целью обеспечения устойчивости самого развития.

As a special form of the vital activity of persons, due to which the human identity is conserved and develops, the society has formed the public and economic structures in the process of its development aimed at their support. Each of these structures pretends, in turn, to certain completeness, integrity, viability, and, which is the main point, the ability to affect the state of affairs in the society. The inability of these structures to operate leads to failures on the market and in the state. As a result, we observe the permanent shift of accents in the society – state – economy triumvirate from the integrity to contradictions and vice versa.

On the basis of the survey of various interpretations, the author makes attempt to generalize the known contradictions in the interrelations during the functioning of the society – state – economy triad. Eventually, this allows one to clarify the directions of their interaction on the different stages of the development of elements of this system with the purpose to ensure the stability of the very same development.

Общество, государство и экономика как категории имеют несколько трактовок, в зависимости от чего их содержание раскрывается в том или ином аспекте, а деятельностью определяется как состояние, так и достижения в развитии силы и творческой энергии народов, населяющих страну, а также утверждается их историческая перспектива, преодолевающая возникающие на этом пути противоречия и трудности.

“Философский энциклопедический словарь” определяет, что *общество* в широком смысле – это часть материального мира, отделившаяся от природы и пред-

* Изложение авторского доклада в Институте экономики РАН в мае 2012 г. (http://inecon.org/docs/Geets_paper.pdf), сделанного в рамках темы “Макроэкономическая сбалансированность в системе моделей развития экономики Украины”.

ставляющая собой форму жизнедеятельности людей, которая исторически развивается. В узком смысле — это определенный этап человеческой истории (общественно-экономической формации), меж- и внутрiformационные исторические ступени или отдельное индивидуальное общество (социальный организм)¹.

Определение общества сформулировано в двух измерениях — широком и узком. Широкое отвечает общепhilософскому восприятию общества, имеющего историческое измерение, так как это одна из линий развития живого, если рассматривать общество как организм², в котором реализуется стремление к сохранению и к развитию человеческой идентичности, поскольку жизнь побуждает к соответствующим формам кооперации деятельности, что является уже сферой экономики, получившей одновременно и общественное измерение. В процессе эволюции общества выстраивался также определенный социальный организм его жизнедеятельности, а существующее экономическое измерение благодаря кооперации и специализации способствовало и способствует расширению возможностей сохранения и развития общества.

Общественная система, в которой все мы действуем, в человеческой истории представляет собой органическую целостность³, и встать на путь модернизации, сохраняя лишь мотивацию к получению прибыли (на что в первую очередь ориентирована экономика), не может. В силу этого общество, помимо свойства все усложняющегося социального организма прежде всего за счет разнообразия деятельности человека, сформировало также институт государства, организующий в первую очередь, согласно Р. Иерингу, социально-принудительную власть с целью защиты общих интересов общества⁴. При этом в качестве таких его интересов, подлежащих защите со стороны государства, могут выступать любые составляющие общественной жизни, ибо "...государство есть продукт развития общества"⁵.

Общество модернизируется и соответствующим образом развивается, поскольку, наряду с экономическим, в нем объективно функционирует социальный организм, который, в отличие от экономического, формирующего прежде всего потребность в получении дохода, генерирует через социальную составляющую развитие так называемых "нематериализованных" форм жизнедеятельности. В условиях, когда экономизированные формы жизнедеятельности общества вступают в глубокое противоречие с социальными составляющими, а борьба за прибыль доходит до того, что разрушает даже природную среду, предоставляющую людям жизненное пространство, возникает или становится первоочередной проблема развития социального организма общества, главным образом, путем преодоления социального отторжения и одновременного расширения возможностей социального вовлечения, в реализации которых государство в целом и его институты играют ключевую роль, поскольку таким путем реализуются и политика, и законы, обеспечивающие жизнедеятельность общества. Тем самым реализуются и меры со стороны государства по защите прав человека на его полноправное участие в общественной жизни. Реализуя такую политику, государство является правомочным, оправдывая свое существование.

¹ См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., "Советская энциклопедия", 1989, с. 131.

² Подробнее см.: Г р и ф ф е н Л. А. *Общественный организм*. К., ЕМКО, 2005, с. 132.

³ См.: В а л л е р с т а й н И. *Модернізація: мир краху її*. "Соціологія: теорія, методи, маркетинг" № 2, 2008, с. 22.

⁴ См.: И е р и н г Р. *Цель в праве*. СПб., 1881.

⁵ Ш а м х а л о в Ф. *Государство и экономика*. М., "Экономика", 2005, с. 17.

Во времена перестройки, например, в качестве первоочередных возможностей обеспечения социального вовлечения, способствующего реализации возможностей полноценной и достойной жизни человека в обществе, выступали прежде всего ценности самореализации, самоорганизации и самоуправления⁶, которые как бы существуют вне государства и даже для того, чтобы минимизировать участие прежнего государства в общественной жизни. Однако, как оказалось, по истечении более чем 20 лет трансформаций они-то по большей части и не были достигнуты. Более того, наоборот, нередко они приобретали или приобрели уродливые формы, от которых еще предстоит отойти как обществу, так и государству, во многом их спровоцировавшему в силу своей неспособности ответить на общественные вызовы и обеспечить собственное участие в тех общественных переменных, в которых нуждалось общество. Государство не справилось с трудностями переходного периода, например, из-за своей слабости или неразвитости. Но не только. Современное общество даже в высокоразвитых странах имеет, в частности, признаки так называемого “деньгоцентричного общества”. “Деньгоцентричное общество – это общество, в котором всё – мысли, решения, дела – вращаются вокруг денег. ...Деньгоцентричным становится любое общество, в котором нет ни практических навыков, ни поддерживающей их общины, так как именно это делает для них деньги ключевым фактором выживания”⁷. Но ведь такое общество, как правильно, на наш взгляд, указывает Б. Левин, не способно противостоять несправедливости, и далее, уже по нашему мнению, в таком обществе деньги становятся сильнее государства, разрушая его и общество путем кризиса, родившегося вследствие такого современного феномена, как финансиализация. Кризис, как известно, носит системный характер, и пока его лечение осуществляется с помощью тех же денег, порождая еще большую несправедливость, поскольку “...деньгоцентризм порождается алчностью и страхом, а в последние годы и алчность была более социально приемлемой, и неуверенность в финансовом будущем приобрела повальный характер”⁸. И не это ли является признаком разрушения высокоразвитого общества, в котором ценности самореализации, самоорганизации и самоуправления, реализованные на основе восприятия ценностей денег, приводят к состоянию, когда все остальное, на чем человек в обществе может сформироваться и реализоваться, для выживания в том же обществе становится неважным.

Как оказалось, в действительности ценности самореализации, самоорганизации и самоуправления для стран с трансформирующимися обществами тоже не однозначны в своем восприятии и выборе “новых” форм жизнедеятельности государства и общества. Но надо иметь в виду, что в высокоразвитых обществах и, соответственно, государствах реализация таких ценностей общественной жизни также не однозначна, даже если речь идет не о деньгах как об одном из факторов выживания, о котором уже говорилось. Как утверждает Р. Кегган (США), “Европа движется от господства силы к самоорганизующемуся обществу закона и правил, международных соглашений и сотрудничества. А вот США имеют дело с анархическим и жестким постсоветским миром, в котором не доминируют междуна-

⁶ См.: Я н и ц к и й О. Перестройка и общественные движения. “Свободная мысль” № 9, 2007, с. 159.

⁷ См.: Л е в і н Б. Одержимість грошима вбиває нас. “Економічна правда” от 20 марта 2012 г. (www.epravda.com.ua/columns/2012/03/201319005).

⁸ См.: т а м ж е.

родные законы и правила и все зависит от наличия и использования собственного могущества”⁹. Кризис в ЕС вскрыл недостатки использованного подхода, поэтому его предстоит усовершенствовать, иначе придется становиться на путь, аналогичный США, а он приведет прямо к глобальному конфликту.

Как видим, проблема общественной самоорганизации далеко не проста и не однозначна также для экономически развитых стран, входящих в ЕС, или для США, где уровень демократии и социального вовлечения весьма высок. Сказанное касается и таких форм, как самореализация и самоуправление, если оценивать их относительно “новых” форм общественной жизни. Следовательно, социальный организм исторически конкретен в определенных формах существования и соотносится с уровнем развития в историческом восприятии, а это, в свою очередь, означает необходимость рассматривать общество в целом как своеобразный организм, который проходит определенные ступени развития и где на каждой стадии развития даже такие завоевания общественной жизни, как демократия и демократические избирательные процедуры, могут превращаться в “свисток для выпуска пара” частью населения, не удовлетворенной положением дел, например, в присвоении результатов труда, поскольку противоречие между трудом и капиталом не везде получило свое хоть какое-то развитие через социально ориентированные формы организации современного рыночного хозяйства.

В глобальном контексте эта проблема остается нерешенной, поскольку полюсы неравенства как между странами, так и внутри отдельной страны все больше отдаляются. Как следствие, не случайно неравенство в уровнях благосостояния и доходов достигло ступени глобального риска, а это — один из парадоксов современности, когда с усилением интеграции в мире усиливается и сегрегация, нарушая тем самым целостность общественного организма, в том числе и отдельно взятой страны, поскольку неравенство в уровнях благосостояния и доходов имеет место также внутри отдельной страны, а не только между странами, как отмечалось на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2011 г.¹⁰ Проблема неравенства характерна для многих стран мира, но главное заключается в том, что этот “феномен” наблюдается и там, где его в таких масштабах еще 20 лет назад не было, то есть в странах с трансформирующимися обществами и экономиками. И достаточно было им встать на путь формирования и использования рыночных механизмов, как результат не заставил себя долго ждать — всего-то 20 лет. Значит, в современной общественной и экономической жизни это является имманентным свойством, негативные последствия которого пока не могут преодолеть ни само общество, ни государство, его сформировавшее, углубляя риски дальнейшего развития, минимизация которых требует новых механизмов, к настоящему времени еще не разработанных. А ведь это только один из многих современных рисков, охвативших и экономику, и геополитику, и экономическую, социальную и технологическую среду.

Организм, в том числе и общественный, согласно Л. Гриффену¹¹, как целостная живая система, имеющая внутренние связи, способен поддерживать самостоятельное существование благодаря приспособительному взаимодействию со

⁹ Цитируется по: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008, с. 33; см. также: К е г г а н Р. Сила и слабость. Почему США и Европа по-разному смотрят на мир. “Общая тетрадь” № 3, 2002, с. 90.

¹⁰ См.: Global Risk Report. World Economics Forum, 2011, p. 1 (<http://www.weforum.org/reports>).

¹¹ См.: Г р и ф ф е н Л. А. Общественный организм, с. 144.

средой. Если иметь в виду окружающую нас природную среду, то во многом пока все происходит наоборот. Вследствие жизнедеятельности общества в глобальном масштабе окружающая среда разрушается, а природные ресурсы при существующих технологиях и способах жизни человека истощаются. Сказанное означает, что сегодня мировые процессы приспособления далеко не однозначны по своим последствиям. При этом объективной направленностью развития организмов в процессе эволюции было, как известно, повышение их сложности, хотя в определенные исторические моменты случались и “возвраты назад”, особенно во времена революционных потрясений. Да и результаты постперестроечных процессов в обществах стран, их переживших, в ряде случаев свидетельствуют о пробуждении прежних, менее развитых форм общественной жизнедеятельности. В таком случае возникает вопрос: “Что значит для современного мира масштабное накопление рисков?”. Не стоит ли ожидать новых потрясений? К тому же “новые” нематериальные формы жизнедеятельности общества могут актуализироваться не только со временем, когда эволюционные процессы общественной жизни усложнят ее до уровня, за которым организовать общественную жизнь (она в своем развитии будет эволюционировать к более сложному) без самоорганизации, самореализации и самоуправления каждого члена общества станет невозможно, или же потребуются экзогенно заданные факторы. А если такие процессы приобретут глобальный характер? Что или кто будет играть роль экзогенно заданной силы? Каким будет ответ природы и общества как части материального мира?

Примат (главенство) нематериальных интересов вовсе не обязательно является продуктом высокого уровня развития. Примеров тому много. Такое случилось и случается, потому что “общество окутывает нас, пронизывает нас, ориентирует всю нашу жизнь своей рассеянной... реальностью, которую мы ощущаем едва ли не больше, чем воздух, которым мы дышим”¹². Это означает, что в обществе, независимо от материального развития, по смыслу представлены все возможные стороны бытия людей, что, собственно, отвечает широкому пониманию категории “общество”, и тем самым достигается единство широкого и узкого измерений, поскольку в нашем повседневном восприятии одно не может существовать без другого; и именно благодаря такой органичной целостности социальному организму жизнедеятельности на всех стадиях его развития присущи нематериализованные формы.

Можно также вслед за С. Соколовым¹³ утверждать, что современное общество целесообразно рассматривать как *совокупность таких основных сфер* в зависимости от функций, которые они выполняют в обществе, и от потребностей (и интересов), которые они реализуют: *экологической* (часть природы, условия возникновения и воспроизведения людей); *демосоциальной* (демографическая и социальная функции – процесс воспроизведения людей как биосоциальных существ); *экономической* (производство, распределение, обмен и потребление материальных благ); *политической* (производство, распределение, обмен, использование власти – порядка); *духовной* (производство, распределение, обмен и потребление духовных ценностей); *психологической, сознательной, субъективной* (производство, хранение, использование и развитие потребностей, чувств, знаний, убеждений и т. п.).

¹² См.: Б р о д е л ь Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст. Т. 2: Ігри обміну. К., “Основи”, 1997, с. 388.

¹³ См.: С о к о л о в С. В. Социальная философия. М., “ЮНИТИ-ДАНА”, 2003, 431 с.

Общество как обособившаяся часть материального мира не может существовать и развиваться само по себе. Именно поэтому существуют отдельные составляющие общественного измерения, посредством которых достигаются и одновременно имеют место единство и противоречия, в результате чего, собственно, и происходит ориентация общественной жизни. Следовательно, общество как совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей ¹⁴, которые и в прошлом, и в настоящем далеко не однозначны, в свою очередь, формирует такую же неоднозначную и структурно-функциональную характеристику современного общества. Таким образом, характер общественного раскрывается через определение форм общественной деятельности людей, носящих целевой (действительный) характер, поскольку в обобщенной трактовке общество рассматривается как совокупность человеческих индивидуумов, объединившихся для:

- удовлетворения “социальных инстинктов” (Аристотель);
- контроля над своими действиями (Гоббс, Руссо);
- реализации действия какого-то определенного абстрактного закона формирования сложных и гармоничных систем (Кант);
- достижения всестороннего переплетения (зависимости) всех от всех (“гражданское общество” Гегеля);
- реализации качественной определенности общественной жизни при ее поставлении с природой (Маркс) ¹⁵.

Как видим, эти признаки общественной деятельности людей – как отдельно, так и вместе взятые – носят характер или социального, или экономического, или властного действия. Именно потому и состоялось объединение людей в общество. Следовательно, каждый из признаков имеет право на признание, и соответственно, в широком измерении все они равнозначно должны быть отнесены к признакам общества, поскольку их действия являются не взаимоисключающими, а наоборот – взаимодополняющими. Вместе с тем данная классификация – не единственная, существуют и другие, весьма отличающиеся от предложенных в разное время разными именитыми авторами. Приведем еще одну классификацию, тоже весьма обобщающую, сформулированную Б.Чичериным в конце XIX в. и больше связанную с понятийным подходом:

- существует деление на общество и гражданское общество, где общество – это совокупность частных отношений между людьми, которые подчиняются политической власти, а общество, которое руководствуется нормами частного права, получило название “гражданского общества” (Гегель);
- ограничение характера общества экономической сферой (Эшер);
- общество – это такое образование, в котором под влиянием экономических условий осуществляется распределение духовных общественных благ, а именно власти и чести (Штейн);
- общество – это совокупность постоянных частных союзов, находящихся посередине между государством как единым целым и сферой личностных отношений, управляемых гражданским обществом (Моль);
- общество – это совокупный организм, который охватывает само государство, являющееся лишь одним из органов или функций этого целого тела (Шеффле, Спенсер);

¹⁴ См.: Экономическая энциклопедия. М., “Экономика”, 1999, с. 491.

¹⁵ Систематизировано на основании толкований, представленных в: Экономическая энциклопедия, с. 491.

– общество – это совокупность личностных отношений, в частности и частные союзы; оно противопоставляется государству как единому целому (Трейчке)¹⁶.

Последнее понятие считалось к тому времени единственной теоретически правильной точкой зрения на содержание и характер общества и соответствующих действий, носящих общественный характер. По сравнению с предыдущей, раскрывающей содержание и характер общества, эта классификация свидетельствует, что трактовки общества как такового и, соответственно, сформулированных определений (в том числе и таких, которые рассматривали общество как союзы, с одной стороны, и как совокупность частных отношений, противопоставляемых государству, – с другой) были и остаются далеко не однозначными. Между тем присутствие государства в обществе, как и в экономике, безоговорочно, и далеко не во всем они пребывают в противоречии, – наоборот, существует и их органичная целостность, несмотря на существенные отличия категорий “общество” и “государство”. Изменение соотношений и роли государства в общественном и экономическом развитии тоже имеет свое историческое измерение. Например, государство меняло свои функции, а значит, и роль в зависимости от требований, соответствующих изменениям в общественном развитии.

История знает немало примеров обратного влияния, когда именно государство, имея возможности для принуждения и отвечая за социальную составляющую развития и безопасность в части защиты интересов общества, о чем мы уже писали, инициировало существенные изменения в общественном развитии, особенно на этапе реализации определенных проектов модернизационного характера, которые были, есть и будут.

Конец XX и начало XXI в. охарактеризовались особым динамизмом развития во всех отношениях, который имеет признаки поворотного момента в истории и который, как утверждает А. Неклесса, выстраивает определенный порядок вещей и, соответственно, другую формулу организации мироздания, а значит, характерных признаков развития и взаимодействия общества, государства и экономики. В силу этого, например, характеристика общества согласно Г. Трейчке является далеко не однозначным утверждением, хотя, по Б. Чичерину, такое определение считалось к тому времени единственно правильным в теоретическом аспекте, но по сути таковым не является. Хотя и сейчас нередко личностные отношения и частные союзы, являющиеся характерным признаком общественной жизни, противопоставляются, как и отмечал Г. Трейчке, государству в качестве чуть ли не единственного субъекта, деятельность которого позволяет добиться успешной деятельности государства.

Современники тоже неоднократно пытались дать определение таких классификационных признаков общества. Вместе с тем известный и влиятельный французский политический философ либерального типа П. Манан считает, что невозможно отыскать какую-то формулу, которая бы описывала современный мир, поскольку он не унифицирован, – в определенной мере можно говорить только о “нашем собственном Западе” в широком смысле этого слова¹⁷.

¹⁶ Обобщено по: Ч и ч е р и н Б. Курс государственной науки. Ч. II: Социология. М., Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1896, с. 2, 3.

¹⁷ См.: М а н а н П. Нельзя смешивать понятия нации и демократии. “Свободная мысль” № 8, 2008, с. 14.

Из проанализированных нами классификационных признаков общества можно сделать однозначный и достаточно прозаичный вывод о разнообразии форм общественной деятельности, а значит, и тех классификационных признаков, которые его характеризуют. Среди них на любой стадии развития особое значение имеет деятельность отдельных членов общества, что часто определяет и их мотивацию, и поведение, и взаимодействие — вплоть до кооперации, с одной стороны, и индивидуализации деятельности — с другой. Последняя получила развитие до уровня всеохватывающей идеи со смыслом, согласно которому “индивид может достичь благополучия, применяя свои способности... в условиях свободного рынка, хотя и в определенных институциональных границах — сильного права собственности, свободного рынка и свободной торговли (обеспечить функционирование которых — задача государства. — *В. Г.*)”¹⁸. Как итог активизации и индивидуализации деятельности и ответственности за ее результат в современном обществе доминирует так называемая “буржуазная демократия”, что способствует концентрации собственности и одновременно является ее результатом при сохранении основ ее незыблемости, что, в свою очередь, привело к доминированию в рыночной экономике не только процессов накопления капитала путем капитализации прибыли, но и присвоения ее путем перераспределения за счет механизмов финансиализации деятельности, что особенно характерно для последнего десятилетия. Финансиализация обладает свойством обеспечить участие в присвоении, не участвуя в создании, что является основой современной экономики финансов, доводящей идеологию рынка до абсолютизации рыночного фундаментализма как следствия углубления проблемы неравенства, что стало особо опасным риском как для современного, так и для будущего развития.

Рыночный фундаментализм все чаще терпит поражение, поскольку механизмы саморегуляции при минимальном участии государства на основах “буржуазной демократии” в общественном измерении нередко оказываются неэффективными, поскольку желательна реализация равного доступа к экономическим возможностям¹⁹ как в странах, достигших в современных условиях высочайшей степени развития, так и в странах, только сформировавших рыночную экономику на основе либеральных ценностей. В то же время для процветания всех необходимо учитывать интересы каждого. Это означает, что в общественном измерении должен присутствовать управленческий аспект деятельности, реализующийся через определенные законы общественной жизни, которые, как правило, в общественном измерении являются “неписаными” (но должны быть хорошо прописаны в отдельно взятом государстве. — *В. Г.*) и, хотя и не всегда, но определяют, собственно, взаимоотношения, согласованные с действиями “всех от всех”, в которых могут принимать участие как отдельные индивиды, так и коллективы людей и даже страны. Реализовать такое условие без управленческих действий по сути невозможно — для этого требуются новые институциональные условия и новые институты, их обеспечивающие²⁰.

Вместе с тем развитие управленческих действий в общественном измерении носит далеко не однозначный характер, поскольку обеспечение расцвета всех чле-

¹⁸ Х а р в и Д. Краткая история неолиберализма. М., “Поколение”, 2007, с. 288.

¹⁹ Подробнее см.: Б ы к о в П., П у р о в а Т. Капитализм для всех: материалы интервью с профессором американского Северо-Западного университета Г. Дерлучьяном. “Эксперт” № 15, 2006, с. 74–83.

²⁰ См.: Интервью первого заместителя председателя правительства Российской Федерации Д. Медведева главному редактору журнала “Эксперт” В. Фадееву. “Эксперт” № 28, 2006, с. 57–65.

нов общества путем учета интересов каждого (что предусматривается управленческим действием) наталкивается на весьма важное противоречие, присущее нашей эпохе. Сущность его заключается в том, что, согласно М. Мусину²¹, управленческие структуры фактически утрачивают свои служебные функции, выходят из-под общественного контроля и стремятся к полноте власти над экономическими и, соответственно, политическими процессами. И в то же время они оказываются неспособными минимизировать множество современных глобальных рисков, угрожающих нестабильностью и обострением конфликтов между странами и народами. Из этого утверждения следует важный вывод общественного значения о том, что при отсутствии действенного общественного контроля и организованного давления со стороны общества управление, ориентированное на собственные, так называемые “инсайдерские”, интересы, ведет экономическую систему любого уровня к регрессу. Только под сильным давлением труда и капитала включается механизм устранения дисбаланса интересов²².

Управленческие функции, осуществляемые как менеджерским корпусом, так и корпусом бюрократии, олицетворяющей действия государства, формируют управленческий империализм, и, по определению М. Мусина²³, формируется существенное противоречие между экономикой, представленной трудом и капиталом, и государством, которое вследствие действия бюрократического аппарата становится соучастником собственной регрессии. Как следствие, мир перевернулся с ног на голову: стали главенствовать примат экономической выгоды и формальные институциональные нормы при условии практически полного угнетения моральных и религиозных принципов, то есть постматериальных форм общественной жизни. В то же время в противоречиях между обществом и государством и в поиске путей их согласования особую роль играют так называемые “неправительственные организации”, которые создаются путем формального и неформального объединения граждан и гражданских институтов, последовательно превращаясь в социальные сети, обеспечивающие один из современных путей преодоления социального отторжения, о котором мы уже упоминали. Именно они призваны сыграть прогрессивную роль в обеспечении повышения эффективности управленческих действий со стороны государства и реализации организующей роли общественных движений на разных стадиях его развития.

Поскольку, согласно Аристотелю, общество – социальная организация, в которой реализуются социальные инстинкты людей, как личные, так и коллективные интересы, то, по нашему мнению, их рациональное объединение возможно лишь при условии преобладания общественного, что достигается давлением последнего и на личность, и на коллективные интересы. В результате может достигаться также примат экономической выгоды и формальных институциональных норм общественной жизни, о чем речь уже шла. Это может успешно происходить не только в так называемых “закрытых обществах”, но и прежде всего в открытых. Концепцию открытого общества обосновал К. Поппер, утверждая, что “основным мерилom и ценностью такого общества являются человек, его свобода и независимость... Главная цель открытого общества – самореализация и саморазвитие личности”²⁴, не только способной действовать на основе индивидуаль-

²¹ См.: Мусин М. Об основном законе эпохи управленческого империализма. “Экономические стратегии” № 5–6, 2005, с. 136.

²² См.: там же, с. 138.

²³ См.: там же, с. 143.

²⁴ См.: Економічна енциклопедія. Т. 3. К., Видавничий центр “Академія”, 2002, с. 535.

ных предпочтений в борьбе за получение дохода и накопление собственности, являющейся первостепенной составляющей реализации “буржуазной демократии”, но и умеющей объединяться в общественные организации и гражданские институты и стремящейся к этому. Не случайно современный человек в открытом обществе активно участвует сразу в нескольких общественных организациях, тем самым обеспечивая функционирование и развитие общества.

В то же время на сегодня даже так называемые “открытые общества”, которые, как считается, существуют в странах, достигших более высокого уровня экономического развития именно благодаря своей открытости, не могут быть признаны достигшими указанной К. Поппером цели (то есть создания для каждого человека возможностей для самореализации и саморазвития), – ведь они при этом остаются на той ступени, когда отдельный человек не может самостоятельно удовлетворить свои потребности первой необходимости. Например, США – богатейшая страна мира, но, по данным ²⁵, обнародованным министерством сельского хозяйства США в конце 2005 г., в 2004 г. 38,2 млн. американцев недоедали, из них 24,3 млн. – взрослых (11,3% взрослого населения страны) и 13,9 млн. – детей (19% всех американских детей). По данным “America’s Second Harvest”, в 2006 г. среди более чем 38 млн. американцев, страдающих от недоедания, 25 млн. пользовались помощью благотворительных организаций. Заметим, что с массовым голодом ведет борьбу даже страна с открытым обществом и с самой развитой в мире экономикой. При этом, со ссылкой на тот же источник, газета “Нью-Йорк Таймс” в апреле 2006 г. сообщила, что американец, получающий минимальную заработную плату и работающий полный рабочий день, не может платить за аренду однокомнатной квартиры.

Таким образом, надо иметь в виду, что даже в современных открытых обществах возможности самореализации и саморазвития вступают в серьезное противоречие с положением дел в экономике, поскольку речь идет не о безработных, а о работающем населении. Проблема неравенства актуализировалась в самой богатой стране мира. Как следствие, “...блага последних волн технологических инноваций непропорционально распределились среди наиболее талантливых и хорошо образованных членов общества. Этот феномен способствовал существенному увеличению неравенства в США за последнее поколение. В 1974 г. 1% самых богатых семей получил доход в 9% от ВВП, в 2007 г. эта доля увеличилась до 23,5% от ВВП”²⁶.

Еще более контрастную картину открытого общества и его ценностей получим, если попробуем рассмотреть его под углом зрения свобод и независимости человека, о которых К. Поппер говорил в связи с необходимостью обеспечения так называемых “четырёх свобод”, сформулированных президентом Ф. Рузвельтом в послании Конгрессу США в январе 1941 г. и касающихся всего мира, а именно:

²⁵ См.: Белоцерковский В. Злокачественная конвергенция. Последняя стадия капитализма или человечества? “Свободная мысль” № 7/8, 2006, с. 134 (С п р а в к а: Вадим Белоцерковский – литератор, активист российского правозащитного движения, научный сотрудник Международного института самоуправления и самоорганизации (США – Германия). В прошлом – выпускник химфака Московского государственного университета, преподаватель, писатель и журналист. Эмигрировав из СССР в 1972 г., работал комментатором на радиостанции “Свобода” в Нью-Йорке и Мюнхене. Опубликовал на русском и основных европейских языках несколько книг и значительное количество статей, посвященных теории синтеза социализма и капитализма, а также по политическим, социологическим и национальным вопросам).

²⁶ Фукуяма Ф. Будущее истории. “Россия в глобальной политике” № 1, 2012, с. 15.

- свобода слова и самовыражения;
- свобода вероисповедания;
- свобода от нужды;
- свобода от страха ²⁷.

И хотя К. Поппер в своем исследовании подразумевал развитые страны, где свобода и независимость человека в целом достигли достаточно высокого уровня, все же, как было показано выше, они не реализованы для значительной части населения – на основе собственных самореализации и саморазвития она не может обезопаситься даже от бедности. В то же время следует посмотреть, как обстоит дело с “четырьмя свободами” Ф. Рузвельта в других странах – в частности, переживающих период формирования современного рынка и основ открытого общества, как бы символизирующего современный успех.

Что касается двух первых свобод, то их продвижение имеет определенный прогресс, хотя далеко не во всем мире, однако, по крайней мере, в отдельных странах, которые переживают трансформационный кризис и пока не достигли предкризисного уровня развития (впрочем, и это далеко не однозначный процесс, в том числе и в Украине). Так, согласно общественному мониторингу, который с 1994 г. проводится Институтом социологии НАН Украины, в 1994 г. 55,2% опрошенных считали, что могут свободно высказывать свои политические взгляды, а в 2005 г., после так называемой “оранжевой революции”, – лишь немногим более 58,4%. В том же 2005 г. 68,2% опрошенных не хватало настоящей дружбы, как раньше, на всю жизнь, а количество тех, кто считал, что большинство людей вообще ни во что не верит, составляло уже 76,3%. И это – следствие, прежде всего, прошедшего повышения уровня социального отторжения и формирования условий, не позволяющих реализовать собственные возможности, в том числе и высокий образовательный потенциал.

По поводу еще двух свобод – от нужды и от страха – следует заметить, что надлежащего обеспечения здоровой жизни населения пока нет. И дело ведь не только в том, что многие недоедают, а еще и в том, что, имея достаточно еды, они часто употребляют нездоровую пищу, произведенную с нарушением технологий и множеством вредных добавок. Граждане многих стран нуждаются в защите от бедности, поскольку в мире во II половине XX в. борьба с ней в итоге оказалась не то чтобы вообще не результативной, но уж точно малоэффективной. Современный же страх имеет совершенно иную природу, чем в XX в., поскольку люди боятся будущего: по мнению 49,8% респондентов, им не хватает уверенности в том, что межнациональные конфликты не будут возникать; 68,7% – не хватает стабильности в государстве и обществе; у 66,9% – нет уверенности в собственном будущем; у 65,9% – нет возможности дать детям полноценное образование.

Таким образом, можно утверждать, что предложенное К. Поппером определение содержания и характера открытого общества во многом идеализирова-

²⁷ Более развернуто “четыре свободы” Ф. Рузвельта определяются так: первая – это свобода слова и самовыражения – во всем мире; вторая – это свобода каждого человека верить в Бога тем способом, который он сам избирает, – во всем мире; третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – во всем мире; четвертая – это свобода от страха, что означает такое основательное сокращение вооружения во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – во всем мире. При этом к актам агрессии в современном мире следует отнести и действия террористов даже в высокоразвитых странах с так называемыми “открытыми обществами”.

но, поскольку категории самореализации и саморазвития личности выступают (по крайней мере, на настоящем этапе развития) наряду с такими признаками общества и общественного, как зависимость “всех от всех”, когда возникают противоречия, которые часто носят даже антагонистический характер и не могут быть разрешены в общественном измерении за счет собственно общественных форм самоорганизации. Поэтому для многих стран стало нормой формирование условий для развития государства благосостояния, называемого “обществом для всех”²⁸, где должны быть учтены интересы бедных людей, маргинальных групп и т. п. В силу того, что в странах, названных “трансформационными”, общества пребывают в состоянии, которое не приближает их к возможностям самореализации, обеспечивающей саморазвитие и самовыражение, главными становятся роль и значение государства благосостояния, где на первое место выходят реформы ради будущего широких слоев населения, с приоритетом в развитии образования и культуры, важнейшая задача которых – повышать креативные способности большинства населения.

При таких обстоятельствах, например в Украине, как и во многих странах мира, должны вступать в силу унормированные отношения, которые регламентируются особенностями цивилизационного характера и определяются “писаными” и “неписаными” законами. Именно в этом и заключается проблемность данного периода, поскольку нарушения и “писаных”, и “неписаных” законов являются массовыми, особенно в сфере экономики, а значительная часть даже унормированных экономических отношений нередко морально не легитимны, что, в свою очередь, порождает общественную неудовлетворенность и формирует стремление к массовым нарушениям прав и свобод человека. В итоге в странах с трансформирующимися обществами результатами изменений, как правило, воспользовалась незначительная часть населения, присвоившая накопленную собственность и обеспечившая тем самым собственное обогащение.

Можно утверждать, что действует принцип: если можно одному, то почему нельзя другому? Именно в этом проявляются и противоречие, и единство между трансформирующимся обществом и государством, ведь, если исходить из того, что в обществе и легальные действия не всегда отвечают закону, то и моральная нелегитимность, как правило, расходится с нормой закона. Но одновременно основополагающим должно быть то, что принятые в обществе нормы и правила власть (государство) должна воспринимать (то есть реализовывать), опираясь на общие ценности, поскольку вроде бы есть согласие общества на существующие формы и структуры власти (государства). Но на деле это далеко не так. В чем же причина?

В реальности следует учитывать, что, согласно высказыванию Б. Чичерина²⁹, *общество*, даже по сугубо юридическим соображениям, как *гражданское общество* не является одним юридическим лицом; оно представляет собой совокупность частных отношений между лицами, которые входят в его состав, и тем отличается от государства, тогда как государство является союзом народа, связанного в одно юридическое целое. В этом смысле имеет место еще одно органично присущее противоречие между обществом и государством. Тем не менее следует принимать во внимание, что без закона гражданская свобода не возможна. Закономерно воз-

²⁸ Подробно см.: От трансформации к обществу для всех. Региональный доклад о человеческом развитии. Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. Братислава, 2011, с. 84–91.

²⁹ См.: Ч и ч е р и н Б. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М., Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1894, с. 3, 5.

никает вопрос: а как быть со свободами, когда имеют место нарушения закона или вообще его отсутствие? В таком случае реализовывать свободы вообще невозможно, и, как следствие, в обществе возникают условия, когда анархия может стать “матерью порядка”. Был в свое время такой лозунг.

Таким образом, общество, в отличие от государства, не имеет целостных характеристик в юридическом значении, хотя и ту, и другую категории одновременно определяют возможные формы жизнедеятельности людей. Впрочем, одно не возможно без другого, в частности, и вследствие их общности. Но из-за существующих противоречий для их разрешения и формируются институты гражданского общества, которые получают возможность обеспечивать действия со стороны общества как определенное юридическое целое. И чем больше степень охвата общества гражданскими институтами, тем сильнее юридическая целостность в обществе. Как свидетельствует опыт трансформаций в обществах наших стран, количество неправительственных организаций растет, а вот численность вовлеченного в эти организации населения на протяжении 20 лет практически остается стабильной и не превышает, например, в Украине 15%. В таком случае в разрешении указанного противоречия и обеспечении единства общества и государства немаловажную роль должно играть государство путем повышения уровня образованности граждан и обеспечения свобод вовлечения большинства людей в деятельность гражданских институтов. Таким путем государство заботится о собственном будущем, укрепляя тем самым свою социальную силу, без которой невозможно сохранить и укрепить национальный (государственный) суверенитет.

В классификации общества, предложенной Б. Чичериным, экономика, согласно определению Эшера, ограничивает общество, и именно экономические условия, а не любые другие, определяют распределение духовных и общественных благ, по утверждению Х. Штейна. В наше время это отвечает действительности только отчасти, поскольку далеко не все общественные блага в равной степени доступны для всех членов общества даже в странах с развитой экономикой и с так называемыми “открытыми обществами”. Что касается духовных благ, то здесь тоже все далеко не однозначно. Для бедных или сравнительно бедных членов общества духовно обогащающие и развивающие культурные ценности могут быть не только не доступны, но и, вследствие низкого уровня образованности, не восприняты и не понятны. Поэтому для них существует так называемая “массовая культура”, которая человека не обогащает, а делает беднее. Особенно это стало понятно тогда, когда в таких странах, как Украина, началось движение к открытым обществам с рыночной экономикой: высокая культура стала массово недоступной, а массовая во многом развратила человека. Поскольку в условиях трансформационных изменений в обществе рынок стал проникать и в такие сферы, как культура и образование, то в обществе наблюдается снижение уровня культуры, толерантности и креативности действий, в первую очередь, в массовом поведении людей. Преступления и наркомания, а также другие общественные болезни стали массовыми явлениями. В этом заключается еще одно противоречие в развитии общества, государства и экономики. Рост экономики и стабильность государства не служат залогом успешного развития общества в силу ограниченности доступа к общественным благам, поскольку не все члены общества имеют его в равной степени.

Анализируя логику взаимосвязи общества и государства, Б. Чичерин³⁰ отмечает, что государство не ставит своей целью, чтобы граждане в процессе личной

³⁰ См.: т а м ж е, с. 7.

деятельности совершали нравственные поступки. Это цель церкви, а не государства, поскольку церковь, а не государство, действует по совести: принудительное же (со стороны государства. — *В.Г.*) выполнение нравственных требований является отрицанием самих основ морального закона, каковым является закон свободы. Кроме того, государство не ставит своей целью частное благо своих граждан, ведь это — цель именно гражданского общества.

Как видим, Б. Чичерин еще в XIX в. доказал, что противоречие между обществом и государством в вопросе воспитания моральных качеств у членов общества, за что, согласно приведенному утверждению, должна отвечать церковь, а не государство, разрешается путем реализации общей цели государства — развития общественных и духовных сил через гражданское общество. Этого оказалось недостаточно, в силу чего начали развиваться современные функции государства — развития членов общества посредством науки, образования и здравоохранения, что и произошло в XX в. Следовательно, Б. Чичерин еще в XIX в. спрогнозировал объективную необходимость трансформации функций государства из традиционных в современные — с тем, чтобы достичь более полного соответствия в разрешении противоречия между обществом и государством. Но вместе с тем Б. Чичерин отмечает³¹, что сущность государства — объединение разнообразных общественных элементов в единый органичный союз. Таким образом, общая цель государства заключается не только в развитии этих элементов, но и в гармоничном их согласовании.

Из приведенных соображений можно сделать вывод, что государство, имеющее признаки юридического целого, отвечает или имеет возможность отвечать за развитие составляющих общества и тем самым предоставлять человеку возможности для повышения уровня гуманитарного развития и реализации гражданских свобод. Именно поэтому нередко модернизационные проекты общественного характера, по нашему мнению, реализовывались по инициативе государства, но ключевую роль играла движущая сила идей³², которые овладевали массами людей, организованных в общество и в общественное движение, что было особенно присуще для XX в. и сохранилось в XXI в. Когда же благородные цели модернизации достигались, трудности в общественных отношениях исчезали из общественной памяти, поскольку модернизационные проекты возрождали силу и энергию масс, которые государство направляло в единое русло. В противном случае модернизационные проекты оказывались утраченными. История знает и то, и другое, ведь идеи не всегда были и остаются безопасными для будущего.

На определенном этапе развития общества его дальнейшая эволюция превращается в не отделимую от становления и развития государства как организации политической власти, главного учреждения политической системы общества, которая, целеустремленно утверждаясь с помощью доминирующей части населения в социально неоднородной среде, обеспечивает его целостность и безопасность, организует совместную деятельность граждан и социальных групп с применением норм права, удовлетворяет общие социальные потребности, защищает права и интересы граждан. Возникновение и существование государства связываются, в первую очередь, с социальным расслоением общества, с его делением на определенные структурные части, которые имеют как общие, так и свои

³¹ См.: там же, с. 10.

³² См.: Б а т а л о в Э. Я. Движущая сила идей. В кн.: Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов. М., 2010, 800 с.

особые (а нередко и противоположные) потребности и интересы, прежде всего производственно-распределительные³³.

Как видим, в ходе раскрытия содержания категории “общество” постепенно неизбежно возникает такая важная категория, как “государство”, которая еще Аристотелем (384–322 гг. до н. э.) определялась как своеобразная форма, представляющая собой своего рода общение, а любое общение организовывается ради какого-то блага³⁴.

Между тем такое определение не дает ответов относительно содержания и понимания государства, кроме одного, связанного с реализацией функций, приносящих соответствующие блага. При этом содержание государства не всегда связывалось с достижением (получением) благ за счет или при поддержке государства. Например, Гегель в “Философии истории”³⁵ отмечал, что государство — это существующая, действительно моральная жизнь и что всей присущей человеку духовной реальностью он обладает только благодаря государству. Таким образом, по нашему мнению, Гегель в какой-то мере попробовал свести общественное к государственному, и, по его утверждению, последнее определяет даже духовную реальность человека, что, собственно, и может быть на самом деле, но в узко утилитарном смысле и в довольно ограниченном количестве форм общественной деятельности, за которые отвечает государство, предоставляя человеку определенные услуги.

Вместе с тем существует и более широкое понимание функций государства, ведь, как отмечал Б. Чичерин, без закона гражданская свобода не возможна. Мы уже обращали внимание на то, что в европейском сообществе именно благодаря движению к саморегулирующемуся развитию общества на основе законов, правил и т. п. укрепляются гражданские свободы. В нашем понимании мысль Б. Чичерина следует трактовать так, что государство определяет рамки, в которых должны сохраняться права и обязанности человека, чтобы деятельность в пределах гражданских свобод при их реализации не задевала интересы и свободы другого человека.

Именно в этом отношении в “Философии права” Гегель однозначно пошел дальше, поскольку считал, что государство есть действительность нравственной идеи, нравственный дух как явная, сама для себя понятная субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает³⁶. Вместе с тем содержание государства, в котором “олицетворяется” моральная идея, субстанционализирующаяся в волю, реализуется соответствующими учреждениями, но далеко не всегда в них есть системное отражение разнообразия общественных форм деятельности, поскольку существует неинституционализируемая категория общественного сознания, которое в наиболее глубокой своей сути отображает состояние общества и даже возможности его развития. И здесь мы находим еще одно противоречие между обществом и государством.

Гегель был уверен, что для того, чтобы общество было красивым, оно должно быть органичным настолько, насколько это возможно, поэтому, кроме государства и церкви, необходимо много других общественных учреждений. Каждый же интерес, который не пребывает в гармонии с обществом и может оказывать содействие кооперации, должен иметь свою соответствующую организацию, и каждая такая организация должна иметь какую-либо степень ограниченной незави-

³³ См.: Юридична енциклопедія. Т. 5. К., “Українська енциклопедія”, 2003, с. 728.

³⁴ См.: А р и с т о т е л ь. Сочинения в 4 томах. Т. 4. М., “Мысль”, 1984, с. 376.

³⁵ См.: Р а с с е л Б. История западной философии. Книга третья: Философия нового времени. СПб., “Азбука”, 2001, с. 860.

³⁶ См.: т а м ж е, с. 860, 861.

симости³⁷. Таким образом, общественные и государственные формы деятельности не совпадают, и относительно многих из них существуют противоречия: вследствие этого их гармонизация – это бесконечно динамичный процесс развития и поиска баланса прав, обязанностей и свобод, благодаря чему, собственно, и в обществе, и в государстве постоянно происходят трансформационные изменения, и в этом их единство, которое достигается путем преодоления возникающих противоречий.

Поскольку возникновение государства связано с образованием общества как совокупности людей, объединенных общими интересами³⁸, причем общество существовало значительно раньше, чем государство, то, казалось бы, институт государства является или должен быть таким, который удовлетворяет общественные интересы, не неся в себе общественных противоречий. Вместе с тем именно здесь и возникает глубокое противоречие, поскольку, как отмечает А. Рубинштейн³⁹, то обстоятельство, что общественные интересы “чувствуют” лишь отдельные люди, а не все вместе, не может служить основой для отказа в признании этих особых интересов, присущих обществу в целом. “Первая задача... принуждать себя повиноваться, монополизировать в свою пользу потенциал в этом обществе, очистить это последнее от всех возможных в нем вспышек злости, поставив на их место то, что М. Вебер называл *легитимным насилием*”⁴⁰, – что и осуществляет государство, представляющее собой организацию *политической власти*.

Государство как главное руководящее образование института общества с помощью норм права призвано направлять и организовывать совместную деятельность людей и социальных групп, защищая права и интересы граждан и ориентируясь на удовлетворение прежде всего общественных, а не существующих в обществе индивидуальных или групповых интересов.

Аккумулируя в своих руках властные полномочия, государство тем самым политически интегрирует общество и представляет его как во внутренних, так и во внешних отношениях⁴¹. Правда, государство реализует это в долгосрочном периоде, а на отдельных этапах развития общества отдельной страны государственные институты во время политических кризисов, скорее, дезинтегрируют его, тогда как роль интегратора берет на себя общество, точнее, его гражданские институты. Таким образом, в обществе реализуются его функции самоорганизации и самоуправления. После политической стабилизации руководящая роль интегратора вновь переходит к государству. В случае же слабости гражданских учреждений к процессу стабилизации могут присоединяться экзогенные факторы. Если те или иные факторы не действуют эффективно, то стране угрожает потеря государственности.

В целом можно утверждать, что на уровне как широкого, так и узкого восприятия общества возникают серьезные противоречия, поскольку общество является далеко не однородным формированием и в нем одновременно сохраняются и функционируют разные в историческом измерении общественно-экономические уклады, в которых содержание общественных интересов разное. Последнее касается и современных развитых обществ, для которых характерны разнообразные формы и общественной, и экономической деятельности с довольно раз-

³⁷ См.: там же, с. 863.

³⁸ См.: Юридична енциклопедія. Т. 2. К., 1999, с. 80.

³⁹ См.: Рубинштейн А. Общественные интересы и теория публичных благ. “Вопросы экономики” № 10, 2007, с. 92.

⁴⁰ Цитируется по: Бродель Ф. Указ. труд, с. 437.

⁴¹ См.: Юридична енциклопедія. Т. 2, с. 80.

ными уровнями развития института государства. Если последние не соответствуют уровням развития как экономических, так и общественных отношений, то это означает, что у власти находятся те, кто не олицетворяет прогрессивные политические силы, а наоборот – выражает волю господствующей части только политического истеблишмента, который, по мнению Гегеля, мыслит сообразно своим представлениям. Весьма часто существующее в этой связи противоречие между обществом и государством разрешается через политические кризисы, а иногда и путем революций.

В отношении государства определенные соответствия и противоречия в восприятии его содержания существуют одновременно, поскольку и общество, и государство, согласно известным энциклопедическим и философским трактовкам, определяются как исторически сменные формы жизнедеятельности людей. Их следует соотносить, прежде всего, с определенным обществом определенного государства. Именно так мы и должны их рассматривать, ведь в разных странах, где суверенные государства представляют собой совокупность людей и территорий, на которых они проживают, эти понятия означают не одно и то же, поскольку, собственно, на определенной территории, являющейся страной, осуществляется своеобразная для каждого государства и каждого общества жизнедеятельность людей, на ней проживающих. При этом “...единственной ценностью, которую разделяют... все без исключения государства современного мира, ...остается суверенитет”⁴².

Следовательно, правомерно считать, что формирование и развитие и общества, и государства (хотя оно и является более поздним институтом) – в конечном счете, процесс взаимосвязанный, базирующийся, прежде всего, на экономической и социальной жизнедеятельности людей. Но во времени жизнедеятельность людей значительно изменяется, поскольку “социальные инстинкты”, на основе которых, согласно Аристотелю, объединились в обществе (в том числе и современном) люди, которые далеко не однозначны в своем поведении, и это, с одной стороны, противопоставляет общество государству, а с другой – объединяет их. Если “социальные инстинкты”, благодаря которым, как уже говорилось, Гегель обосновывал необходимость наличия в обществе соответствующих организаций, которые в институте государства не уравновешены, то в действие должны вступать общественные институты, выражающие несовместимые “социальные инстинкты”. Но реализовываться они могут только в том случае, когда одновременно в рамках закона можно учесть заложенную в гражданских свободах волю.

Согласно Канту, в основе общества лежит некий абстрактный закон материального мира, но, поскольку общество отделено от природы, понять всепроникающую значимость действий такого закона не удастся. Причина, на наш взгляд, в том, что, с одной стороны, этот закон должен действовать в отношении взаимосогласованности “социальных инстинктов”, а с другой – постоянно происходит их столкновение, которое имеет и групповое, и государственное, и цивилизационное измерения. И поскольку благодаря влиянию “социальных инстинктов” на каждом уровне возникают порывы использовать ресурсы и достояние других в собственных интересах, то “социальные инстинкты”, имея механизмы трансформации, постоянно изменяясь во времени и в пространстве, как правило, вступают в противоречие и с обществом, и с государством. В одних случаях “социальные инстинкты” консолидируют общество (и тогда меняются содержание и характер

⁴² Б о р д а ч е в Т. Общество мирового уровня. “Россия в глобальной политике” № 1, 2012 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogo-urovnya-15457>).

государства), а в других — наоборот, они разделяют его на составляющие (вплоть до распада и даже гибели государства). На месте этого государства возникает другое, которое по-новому олицетворяет общественные интересы на основе “социальных инстинктов”, корнящихся глубоко в сознании и имеющих, по сути, историческое измерение генетического характера.

Если модернизационный проект, инициированный в обществе, по причине тех или иных мотивов и благодаря тем или иным общественным или, скорее, государственным инициативам не дает желаемого результата, который бы устраивал большинство, то общество, в конце концов, реализует тот проект (если его можно назвать таковым), который отвечает общественному сознанию, где будут доминировать элементы общественного сознания генетического характера, — оставшиеся, то есть такие, которые существовали в историческом прошлом. Поэтому и возникают из прошлого прежние исторические формы общественной жизнедеятельности, проявляющиеся в отдельных странах с трансформирующимися обществами в последние 20 лет XX и в первые 10 лет XXI в.

Подобный вывод не только актуализирован современностью по сравнению с теми реалиями трансформационных изменений, которые постоянно происходили в обществе, государстве и экономике в прежние времена. Чтобы доказать это, обратимся к истории трансформаций, например, в российском обществе, достаточно близком нам по степени понятности процессов, поскольку в прошлом они происходили, в сущности, в едином общественном пространстве и во многом до сих пор схожи с процессами преобразований, переживаемыми нашими странами. Достаточно яркое тому подтверждение — неоднозначность взаимосвязанных процессов модернизационного характера в обществе и в государстве, о чем идет речь в работе А. Зубова “Размышления над причинами революции в России”⁴³. Автор названной работы — доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений и заведующий кафедрой истории и религии Русского православного университета имени апостола Иоанна Богослова. Такая детальная справка об А. Зубове нужна для большей аргументированности его научной позиции, поскольку указанная его статья напечатана в журнале “Новый мир”, являющемся, прежде всего, художественным изданием.

В своем анализе причин революции в России А. Зубов возвращается к временам царствования Александра Благословенного (Александра I) и сравнивает процессы в обществе и в государстве конца XVIII и начала XIX в. Ведь именно в этот период сформировались условия для революционных событий в России начала XX в., то есть в сущности корни революции 1917 г. “проросли” в обществе более чем за 100 лет до нее. Процессы, происходившие в то время в России как в государстве и в обществе, характеризовались несоответствием, довольно не привычным для нашего восприятия. Сегодня общественное, особенно касательно учреждений гражданского общества, согласно нынешним энциклопедическим трактовкам, является средством всестороннего обеспечения прав и свобод человека и гражданина, и идея гражданского общества берет начало с античных Греции и Рима⁴⁴. Как общество в целом, так и гражданское общество в частности в разные времена пребывали на определенных стадиях развития. Поэтому нельзя согласиться с тем, что к тому времени гражданского общества не существовало или оно

⁴³ См.: Зубов А. Размышления над причинами революции в России. “Новый мир” № 7, 2006.

⁴⁴ См.: Юридична енциклопедія. Т. 1, с. 646.

не имело возможности влиять на положение дел в обществе и в государстве, поскольку, во-первых, у каждого времени свои интересы и обстоятельства, а во-вторых, и сегодня есть соответствующие примеры и доказательства.

Итак, вернемся почти на 200 лет назад в тогдашнюю Россию. Как отмечает А. Зубов⁴⁵ (и на что в свое время обращал внимание еще Н. Бердяев), большая трагедия России заключалась в том, что власть и общество, их лучшие представители, двигаясь почти параллельно, увидели друг в друге не единомышленников и соратников, а, скорее, соперников и врагов.

Что же для России в то время реально означало такое параллельное движение? Ответ находим в этой же работе, но сначала — о некоторых характеристиках общества в целом.

П. Вяземский отмечает: “Император отказывается от благодушного отношения к своей миссии освободителя и просветителя России. Перед его духовным взглядом открывается та бездна зла, над которой проходит жизнь человечества. Руссоистский идеал естественно совершенного человека, которого портит и искажает плохое общественное окружение, пересматривался Александром. У Александра уже не могло быть прежней бодрости и самоуверенности... Он вынужден признаться, что добро осуществляется нелегко, что очень часто именно в людях встречаются разные необдуманные, тупые противодействия, парализующие лучшие помыслы, лучшие заботы о пользе и благоденствии”⁴⁶.

В этом высказывании дается характеристика процессов и в российском обществе того времени, и в государстве, поскольку настроения царя в значительной мере олицетворяли и государствообразующие процессы, осуществляемые как воплощение его замыслов о трансформационных изменениях, где подразумевались и духовное просветительство народа, и утверждение принципов веры, и нравственность, и справедливость в международных отношениях, инициированных императором, а по сути — государством в его лице. Вследствие существования крепостничества в России жизненные уклады высших и низших слоев, их культура, их ценности весьма отличались, и между ними возникли чувства ненависти, зависти и презрения, то есть имели место и проявлялись разнонаправленные “социальные инстинкты”. Если бы в обществе не было такого глубокого противоречия, если бы в народе росла живая и сознательная вера в Бога, то можно было бы обойтись без подробных инструкций и регламентаций и развивать быт и жизнь низших слоев обычными методами — экономической заинтересованностью, гражданским вовлечением, школьным обучением и церковным воспитанием. Но все видели, что крестьяне испорчены рабством, и свобода сама по себе в одночасье и быстро их бы не исправила, а наоборот, при отсутствии привычки жить свободно и ответственно могла бы погубить и их самих, и все русское общество, где они составляли преобладающее большинство. Последствия жестокой несправедливости и насилия в XVIII в. были в России настолько значительными, что и воспитательные мероприятия требовались исключительные, с элементами принуждения⁴⁷. В сказанном П. Вяземским содержится много поучительного и для сегодняшних трансформаций. Когда речь заходит о том, что после отказа от тоталитарного прошлого свобода все быстро исправит сама по себе, надо понимать, что существует угроза потери самой свободы вме-

⁴⁵ См.: Зубов А. Указ. труд, с. 157.

⁴⁶ Цитируется по: “Новый мир” № 7, 2006, с. 140 (см. также: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. 7. СПб., 1882, с. 453).

⁴⁷ См.: там же, с. 132, 133.

сто преодоления последствий собственно тоталитарного прошлого, поскольку население не имеет должного опыта действительно ответственного образа жизни.

Впрочем, настоящая трагедия России заключалась в том, что не удовлетворенные существующим порядком стремились к революции, к мгновенным изменениям, но совершенно не были готовы к этому и не понимали необходимости медленных преобразований гражданского и духовного устройства большого и отсталого государства⁴⁸. Фактически это свидетельствует о серьезном противоречии между общественными ресурсами, ролью и участием в них государства и ответственностью и важностью гражданских учреждений, формирующих общественные силы, особенно из представителей наиболее просвещенных и прогрессивных слоев, но часто максималистски настроенных на массовые выступления, что впервые и произошло в России в декабре 1825 г. на Сенатской площади. Вместе с тем это было только начало, ведь, как отмечал в своем дневнике флигель-адъютант Александра I Л. Михайловский-Данилевский, царь хотел предоставить гражданам права, но его никто не понял; более того, количество неудовлетворенных все возрастало⁴⁹. И, как отмечает П. Вяземский⁵⁰, в это время начала змеиться та трещина в основании российского просветительского общества и власти, которая разверзлась пропастью в конце XIX в. и поглотила Россию в 1917–1922 гг., сомкнувшись над ней коммунистической деспотией.

По существу, это случилось вследствие несоответствий в противоречиях того времени между властью и обществом, причем, хотя это и не всегда принимается. В 1825 г. власть была носителем будущих прогрессивных изменений, поскольку тогда государственная власть в России пребывала на моральной высоте, не виданной ни в XVIII, ни в XX в.

Но изменилось и общество. Старое российское гражданское общество, восстановившись после смуты в XVII в., исчезло за время петровских преобразований. После расправы со старообрядцами, готовыми умереть за идею, его в России почти не осталось. Есть вопросы относительно настоящего: много ли сегодня найдется готовых умереть за идею? В XVIII в. боролись и даже умирали (военные подвиги — не в счет), главным образом, за собственные интересы. Мы помним, что практически все свободные слои высказывались в пользу крепостничества, и голосов, подобных Радищеву или Новикову, почти не было слышно. Не было слышно и голосов в защиту униженной православной церкви — ни от духовенства, ни от мирян⁵¹.

*Материал поступил в редакцию 27 июля 2012 г.
Окончание — в одном из следующих номеров журнала.*

⁴⁸ См.: там же, с. 142.

⁴⁹ См.: Волков В. Е., Костюченко А. И. Русские императоры XIX века. Челябинск, 2003, с. 88.

⁵⁰ См.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. 7, с. 144.

⁵¹ См.: там же, с. 156.